

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

КОРОНАВИРУС И «КОНЕЦ ИСТОРИИ»¹

© 2020 Л.Л. Фитуни

ФИТУНИ Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Африки Российской академии наук. Российская Федерация, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1, e-mail: africa.institute@yandex.ru

***Аннотация.** Автор рассматривает некоторые радикальные экономические, политологические и философские оценки влияния эпидемии COVID-19 на мировое развитие, ставшие весьма распространенными в первой половине 2020 г. Он приходит к выводу, что большинство из них в основе своей являются повторением посылов и прогнозов, выдвигавшихся непосредственно во время и сразу после многих экономических кризисов и потрясений сложившегося порядка в мире и обществе, начиная с развала СССР и включая глобальный финансово-экономического кризис 2008–2010 годов. Реальные последствия катаклизмов всегда при этом зависели от характера поведения в кризис национальных и мировых элит, а нередко являлись следствием их поведения. В начале 2020 г. реакция правящих элит на пандемию приблизила наступление уже назревавшего нового мирового экономического кризиса. В настоящее время происходит борьба между глобальными игроками, надеющимися на коренное изменение соотношения сил в мире в свою пользу, и теми, кто в целом был бы удовлетворен сохранением «докоронавирусного» баланса сил и интересов.*

***Ключевые слова:** мировое развитие, элиты, развивающиеся страны, международные экономические отношения, санкции, самообеспеченность, самодостаточность, опора на собственные силы.*

DOI: 10.31132/2412-5717-2020-51-2-5-13

События первого квартала 2020 г. вряд ли оставили кого-то равнодушным и властно развернули науки о человеке и обществе в сторону исследования ближних и отдаленных последствий неведомых доселе потрясений. Для ученых-международников, однако, рассуждения о происходящих тектонических подвижках в мировой экономике и сложившемся миропорядке в последние три десятилетия являются неизменным трюизмом.

Со времен развала СССР и позже – с началом в нулевые годы размывания безысходности монополярного мира, постепенной прорисовкой в мареве неолиберального фундаментализма сначала зыбких, но постепенно все более явственных контуров глобальной полицентричности, – набор пророчеств-клише о судьбоносных переменах и их

¹ Статья подготовлена в рамках Проекта РФФИ 19-014-00019 «Санкционное и регулятивное таргетирование национальных элит как инструмент глобального управления и международной конкуренции».

необратимости неизменно пополнялся, не меняя своей сути. После кризиса 2008–2010 годов на лидерство по степени избитости стала претендовать фраза «мир уже никогда не будет прежним», хотя, как мы видим сегодня, спустя 10 лет после зародившегося в США глобального кризиса, в целом он остался именно таковым.

Сегодня реальные потери от катаклизма тех лет перед лицом нынешних «казней египетских» и их возможных последствий видятся не столь уж тотальными и непоправимыми. Но велика вероятность того, что со временем предпринимаемые в наши дни попытки оценить ущерб и предсказать пути дальнейшего развития мировой экономики и международных отношений будут казаться столь же преувеличенными, экзальтированными и наивными.

Научное сообщество, как обычно, отреагировало на новые беды разноголосьем. Судя по остроте полемики, медики и биологи никак не придут к согласию не только по вопросам истоков эпидемии (естественное/искусственное происхождение вируса, время и место появления штамма, гражданство «нулевого пациента», где и почему он/она заболел/а, отношение последнего к военной службе) и методов борьбы с коронавирусом, но даже по поводу того, насколько эта угроза реальна, сколь на деле опасны и далекоидущи ее последствия.

Представители социальных наук в своих попытках оценить последствия происходящего для общества и экономики, наоборот, в словесных оценках оказались единодушны: соединение пандемии с беспрецедентным по масштабам экономическим спадом и одномоментным волевым перекрытием сообщающихся сосудов мировой экономики явило собой такую метаморфозу, от которой, по общему согласию, полный возврат к прежней нормальности маловероятен.

Экономическое измерение кризиса

Известный франко-американский экономист, глава *Clausen Centre* Калифорнийского университета (Беркли) П.-О. Гурэншá (*P.-O. Gourinchas*) обращает внимание на макроэкономические последствия объединенного воздействия последствий эпидемии как таковой и вызванной ею рецессии. При этом едва ли не главную проблему он видит в экстерналиях – неопосредованных рынком внешних воздействиях экономических субъектов друг на друга. В обоих аспектах двойного кризиса они выражаются в усилиях по уплощению кривой кризисных проявлений, для чего вводится «принудительное социальное дистанцирование» в прямом (для снижения возможности контаминации) и переносном (введение в тех же целях ограничений или временный запрет определенных видов экономической деятельности) смыслах. По мнению П.-О. Гурэнши, именно меры по изоляции являются носителем негативных экстерналий – действий, каждое из которых, взятое в отдельности, абсолютно рационально и благоразумно, но которые все вместе наносят ущерб [1].

В рамках канонов политэкономического мейнстрима часть западных экономистов интерпретировали короновирусную пандемию как типичный негативный шок спроса. В соответствии с конспектами и рецептами времен кризиса 2008–2010 годов, ему следовало противопоставить политику фискальной и денежно-кредитной экспансии, которая способствовала бы сохранению или, на худой конец, замедлению сжатия совокупных расходов. В превращенной форме, соответствовавшей нашим возможностям, и с большой долей социальной оперенности такой подход проявился и в России.

Однако провал в марте 2020 г. переговоров по продлению договоренностей в рамках ОПЕК+ и последовавший за этим катастрофический обвал нефтяного рынка подвигли многих (но не всех) в сторону признания того, что то, с чем столкнулась мировая экономика в начале третьего десятилетия XXI века, не просто отличается от сути кризисных процессов 2008–2010 годов, мощнейшим образом сжавших спрос в мировом хо-

зьяйстве. В этом смысле, нынешний кризис, по крайней мере на данном этапе, является шоком предложения.

Мы не случайно сделали оговорку, ограничивающую нашу интерпретацию именно нынешним этапом развития кризиса и сегодняшним видением его причин и возможных последствий. Сегодняшний мейнстрим экономической мысли в развитых странах едва ли не полностью объясняет кризис пандемией *COVID-19*. На базе имеющейся на сегодня экономической информации, реакции на происходящее правительств как развитых, так и развивающихся стран, мы готовы с этим согласиться в целом. В то же время, не отрицая колоссальную роль глобальной эпидемии коронавируса и ее чудовищные последствия, возможно, более оправданным было бы говорить о том, что пандемия явилась чем-то средним между *поводом* и спусковым механизмом запуска того, что по аналогии с терминологией психологии масс можно было бы назвать «кризисным кружением».

Пандемия явилась удобным фоном и оправданием усиления всего того, что было уже сформировано торговыми и валютными войнами, политикой агрессивного протекционизма, односторонними и коалиционными санкциями, а по большому счету – критическим изменением соотношения сил в мировой экономике и политике.

Глубина нынешнего кризиса и характер его протекания больше связаны со структурными проблемами мировой экономики. Итогом интенсификации процессов глобализации в начале нынешнего века явилось то, что большинство государств Запада лишилось полных циклов производства значительной части товаров, как повседневного спроса, так и технологических. Материальное производство многого из того, что могло сыграть существенную роль в ограничении масштабов эпидемии и скорости ее распространения на критически важных первых ее этапах (медицинские принадлежности и расходные материалы, прекурсоры лекарственных препаратов, компоненты аппаратов искусственной вентиляции легких и их сборка и т.д.) оказалось вынесенным в развивающиеся страны с более дешевой рабочей силой или менее жесткими экологическими требованиями. Мировое производство реального товара, оказалось не просто мозаично разбросано по миру, но в случае с востребованной ныне медицинской продукцией однозначно смещено в ограниченный круг стран, все более выступающих конкурентами США и их союзников, в первую очередь в Китай и Индию.

Пока что основные усилия ведущих экономик, в первую очередь тех, степень шока для которых оказалась беспрецедентной (здесь речь не столько о процентах сжатия как такового, сколько о диаметральной «перемене ветра», как в США – от оптимистических перспектив роста к внезапному и крутому спаду) устремлены на то, чтобы сгладить кривую падения. И в плане борьбы с эпидемией, и в плане поддержания экономик на плаву тактика правительств – отложить лавинообразное нарастание негативных проявлений в ближайшей перспективе и, выиграв время, попытаться минимизировать ущерб.

Такой концептуальный подход лежит в основе практических реакций властей США на происходящие на мировых рынках процессы. Как известно, в теории экстерналий одним из возможных решений по нейтрализации последствий негативных внешних эффектов является введение корректирующего пигувианского налога, повышающего предельные частные издержки до уровня предельных общественных. Когда негативные экстерналии, проявившиеся после провала в марте 2020 г. переговоров о продлении сделки ОПЕК+ и последовавшего за этим обвала нефтяных цен, стали угрожать американским компаниям, добывающим сланцевую нефть, Вашингтон пригрозил России и Саудовской Аравии введением компенсирующих пошлин (т.е. косвенного налога) на их экспортную продукцию, после чего стороны вскоре вернулись за стол переговоров и нашли взаимоприемлемые решения.

Хотя на середину 2020 г. точно определить, какими будут потери к концу года, как долго они будут сохраняться и когда начнется восстановление, никто не может, нет сомнений в том, что удар пришелся по несущей конструкции современной мировой экономики (МЭ) и международных отношений (МО) последних десятилетий – процессу глобализации. Коррозия последней началась задолго до пандемии и нынешнего кризиса – в результате действия субъективных факторов мировой политики, таких как санкционное бешенство Запада и агрессивный протекционизм администрации Д. Трампа, ее узкоэгоистичная позиция, нежелание считаться с чьими-то интересами, кроме собственных, по многим вопросам МО и МЭ.

«Штурм и натиск» – коронный стиль внешнеполитической и внешнеэкономической тактики Белого дома. На деле «санкционно-наказывательная» повестка дня присутствовала в отношениях США не только с теми странами, которые они относят к противникам – Ираном, Венесуэлой, КНДР, Россией или Китаем, – но и к своим союзникам и близким партнерам – странам ЕС, Канаде, Мексике, Японии, от которых требовались уступки в угоду Вашингтону просто в силу того, что именно это преподносилось им как справедливое решение.

Однако такой подход к взаимоотношениям бьет по самой концепции глобализации, экономической основой идеи которой являются глобальные цепочки стоимости и, как следствие, свобода перемещения через границы товара, созданного там, где это наиболее выгодно было сделать, туда, где за него будут готовы заплатить максимальную цену.

Закрывание границ, ограничение транспортного сообщения и вынужденная остановка производств и сервисов для сдерживания мировой пандемии стали физическим барьером на пути глобализации. Более того, для многих правительств, до сих пор полностью полагавшихся на глобализационные связи как на основу текущего или будущего благополучия, стало неприятным сюрпризом, что, по крайней мере, на среднесрочную перспективу, **концепция самодостаточности (*self-sufficiency*) по многим позициям становится залогом выживания огромных масс населения их стран.** О подобных тенденциях ныне говорят уже не только исследователи проблем развивающегося мира, как это было прежде, но и зарубежные и отечественные специалисты в области глобального развития и даже такие «акулы транснационального капитализма» как Дж. Сорос, Б. Гейтс и Р. Далио.

Такой поворот мировой экономической и, шире, обществоведческой научной мысли представляет особый интерес для ученых-африканистов, которые уже давно исследуют теоретические и практические аспекты реализации различных сходных прикладных концепций и программ: от концепции основных нужд (*basic needs*) до коллективной опоры на собственные силы (*collective self-reliance*). Достижения и провалы этих стратегий досконально изучены в работах Института Африки РАН.

Так, давая оценку причин неудач стратегий коллективной опоры на собственные силы в Африке, Е.В. Морозенская отмечает, что в условиях структурного и долгового кризиса начала 1980-х годов «на первый план выдвинулся вопрос не столько развития, сколько выживания большинства стран континента, что потребовало смещения акцентов в рамках стратегии развития на решение ближайших задач» [2, с. 28]. Автор пишет, что «кризисная экономическая ситуация, сложившаяся на континенте в 1980-е годы, была предопределена целым рядом факторов – внутренних (неспособность госсектора возглавить экономический подъем и снять вызванную этим чрезмерную социальную напряженность) и внешних (уменьшение притока финансовых средств извне и резкое сокращение поступлений от экспорта вследствие падения мировых цен на минеральное и растительное сырье)» [2, с. 29].

Как известно, многократные и длительные попытки реализовать различного вида стратегии опоры на собственные силы – в суженном ли варианте «базовых потребно-

стей» или же в расширенном, «коллективном» – привели лишь к обострению кризисных явлений и обращению за помощью к МВФ с принятием в конечном счете жестоких условий его программ «структурной адаптации». Как представляется, подобным образом может развиваться ситуация и в контексте нынешнего экономического кризиса, усугубляемого эпидемией коронавируса. Во всяком случае, к помощи МВФ после начала пандемии воззвал целый ряд развивающихся стран, но она была предоставлена лишь избранным.

Коронавирус и трагедия глобального либерализма

В известной книге Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек» (*The End of History and the Last Man*) проводится мысль, что всемирно-историческая победа западной либеральной демократии означает достижение конечной точки социокультурной эволюции человечества, что подразумевает и формирование окончательной формы правительства. На деле это значит достижение человечеством стоп-линии в противостоянии глобальных идеологий, цепочке мировых войн и мировых революций (сам по себе «конец истории» – финальная революция), а попутно де факто случится конец искусства и философии, хотя на свою непреходящую роль и того, и другого продолжают претендовать многие представители рода человеческого. Впрочем, событийная история, по мнению Ф. Фукуямы, будет продолжаться. Ее можно будет записывать и описывать, а потому профессиональным историкам не нужно опасаться за свои рабочие места. А сам автор в 2020 г. в статье «Пандемия и политический порядок», опубликованной в *Foreign Affairs*, пообещал, что «историки будущего смогут отслеживать сравнительную широту последствий нынешней пандемии» [3, с. 26].

Правда, дальнейший ход истории поставил под сомнение прогнозы самой известной книги американского философа-политэконома. Восхождение Китая и ряда других нелиберальных держав, подъем популистских и националистических сил в Европе и Америке, последовательная эрозия гарантий, прав и свобод личности после 11 сентября 2001 г. – все это не вполне согласовывалось с финальной победой либеральной демократии западного образца, если только не предположить, что сама эта концепция подвергнется коренному пересмотру и адаптации под новые цели и реалии.

Да и сам Ф. Фукуяма элегантно «переобулся в воздухе». В цитируемой выше статье он дифференцирует оттенки либерализма и пишет о его экстремальных проявлениях в лице чикагской неолиберальной экономической школы и ее научных отцов Г. Беккере, М. Фридмане и Дж. Стиглере, а также их политических адептов Р. Рейгане и М. Тэтчер. Ныне Ф. Фукуяма считает, что со временем их «аргументы ужесточились, превратившись в либертарианскую религию, которая укоренила враждебное отношение к действиям государства в целые поколения консервативных интеллектуалов, в особенности в Соединенных Штатах» [3, с. 30].

Косвенным признанием провала либеральных подходов являются и выводы американского исследователя о несостоявшихся ожиданиях рациональной открытой полемики в обществе по проблемам, с которыми оно столкнулось, и о неизвлечении уроков из случившегося. По мнению Ф. Фукуямы, связь между технократическим знанием и государственной политикой сегодня слабее, чем в былые времена, когда элиты обладали большей властью. Демократизация власти, подстегнутая цифровой революцией, нанесла тяжелый удар по интеллектуалам в верхах и некоторым другим высоким слоям политических иерархий – принятие политических решений теперь часто является результатом агрессивных словесных свар. Это далеко не идеальная среда для конструктивного, коллективного самоанализа, и некоторые политические линии и впредь могут оставаться столь же иррациональными, прежде чем наступит их окончательное банкротство» [3, с. 32].

Заметим, что еще до наступления нынешнего кризиса некоторые крупные мыслители современности уже начали вслух озвучивать мысль, что либеральная идея себя исчерпала. «Либеральный универсализм предполагал линейное развитие, движение к концу истории, – говорит академик А.А. Дынкин. – Например, на Западе долгое время существовало убеждение, что рыночные реформы Китая приведут к либерализации политической системы. Этого, очевидно, не произошло. Так что либеральный универсализм себя исчерпал. И сейчас все в поиске новой конструкции мирового порядка и нового социального контракта внутри стран» [4].

Двойной хук пандемии и экономического кризиса послал страны Европы и Северной Америки в глубокий нокдаун, заставив поступиться либеральными ценностями. На момент написания данной статьи роль государства и государственной бюрократии в странах либеральной демократии стала на практике едва ли не тотальной. Всего за пару недель, перешагнув через законодательные процедуры, посредством распоряжений низовых уровней исполнительной власти почти во всех государствах Европы были введены жесткие карантинные меры. Произошло ползучее ограничение конституционных свобод граждан, включая свободу собраний и свободу передвижения, а в ряде аспектов (обсуждение истоков и реальности угрозы пандемии) свободы слова. Принудительная «добровольная» самоизоляция фактически сузила свободу общения. Были введены: временный запрет на ряд видов экономической активности (а следовательно, для части граждан перекрыта возможность материального обеспечения своего существования), цифровой контроль и инвентаризация подконтрольного населения, его дифференциация с точки зрения приоритетности и права на медицинское обеспечение, охрану здоровья и жизни.

Все это плюс огромное количество смертей от коронавируса в наиболее, казалось бы, продвинутых развитых и демократических странах в огромной степени подорвало веру индивидуума в государство как эффективный механизм защиты интересов и жизни граждан. Ход событий неуклонно выводил на мысли о провалах государства и бесполезности власти и даже конспирологической зловредности их действий.

С другой стороны, провалы государства в попытках пресечь пандемию и неготовность практически всех западных демократий эффективно противостоять эпидемии на национальном уровне (разница свелась к тому, что у кого-то «просто плохо», а у кого-то «чрезвычайно плохо»), неспособность реализовать защиту провозглашаемой им же высшей «европейской ценности» – человеческой жизни, нанесли таранный удар по национальному государству. Вся практика мер в Европе и Северной Америки вольно или невольно была переведена на принцип «спасется тот, кто спасет себя сам»: достанет маски и перчатки, уединится в своем доме, минимизирует, а еще лучше полностью исключит физический контакт с чужими, не будет посещать места скопления людей. Официальной политикой властей части стран Запада – спасать молодых, оставляя стариков умирать – нанесен непоправимый удар по морально-этическим основам института семьи и без того сильно эродировавшего в последние десятилетия. Императивно подавляется привычка заботиться о ближних и близких – семье, родителях. Демократическое государство открыто обрекает стариков на гибель через приоритизацию медпомощи молодым и лозунг «спасать молодых», через невнимание к домам престарелых и одиноко живущим старикам и т.д. Посещение родителей или детей, прямая помощь, просто контроль за состоянием их здоровья, наличием у них еды, лекарств, даже похороны превращены в проблему. Прямые контакты максимально усложнены.

Поскольку каждый спасается в одиночку, общественные связи оказались разорванными. Разрушается единая ткань государства. Огромное количество смертей в США, Британии, Франции, Испании, Италии и других странах продемонстрировало неспособность государства оправдывать свой *raison d'être* – обеспечивать защиту и выживание его граждан. Изолированный индивидуум становится демиургом своего бытия.

Пандемия и кризис создали новую синергию разрушения прежнего общественного договора. Похоже, что поведение мировых элит перед лицом кризиса, навязчиво доказывавших неэффективность прежней организации государства и беспомощность национальных правительств, было ориентировано на перестройку прежней конструкции либеральной демократии с тем, чтобы через отрицание отрицания – через тотальную компрометацию государства – окончательно водрузить над поверженным пандемией миром желтое знамя новой версии либерализма.

Очевидно напрашивающийся выход из этого положения – усечение прав государства в его нынешней «никчемной» форме и замена чем-то более эффективным с точки зрения интересов и безопасности индивидуума. На передний план тем самым выводится идея поиска новых форм решения глобальной проблемы пандемии. Это сформировало необходимую среду для выведения на авансцену в постпандемическом будущем **сообществ «компетентных» негосударственных акторов надсуверенного уровня**. Более того, правительства многих развивающихся, в основном более бедных стран увидели в этом возможность избежать того, что они будут брошены один на один в борьбе с новыми вызовами и фактически потребовали коллективных действий по спасению, прежде всего от международных институтов глобального управления, как в рамках существующих форматов, так и новых (создания специальных глобальных лекарственных и продовольственных резервов и фондов для беднейших стран и наднациональных органов по их распределению и т.п.).

Вскоре после повсеместного введения самоизоляции бывший премьер (2007–2010 годы), а до этого министр финансов Великобритании, Г. Браун, игравший важную роль как в возникновении, так и «разрешении» глобального финансового кризиса той поры, озвучил в ходе мартовской (2020 г.) встречи G-20 идею «необходимости временного мирового органа исполнительной власти (правительства)» и создания целевой группы с участием мировых лидеров, экспертов в области здравоохранения и руководителей международных организаций, которые обладали бы исполнительными полномочиями для координации мер по борьбе с пандемией [5].

По сути это была попытка направить развитие посткоронавирусного мира по пути обновленной модели глобализации в интересах одной из групп мировых элит. Она открывала возможности серьезной перетряски глобальных ресурсов развития, исправления «перегибов» глобализации «версии 1.0», (непредвиденно сильно укрепившей глобальные потенции КНР), при допущении сохранения за Пекином определенных завоеванных позиций и удержания его в рядах широкого фронта сторонников этой фракции мировой элиты, хотя и на вспомогательных ролях.

Мощное сопротивление такому сценарию трансформации мировой экономики и политики оказывает другая фракция элит, выдвигающая на передний план идею перезапуска глобализации. Ее «версия 2.0» должна строиться не на вненациональном доминировании западных финансовых и политических элит, а на гегемонии (лидерстве) США в мире. Глобальные цепочки стоимости в глобализации «версии 2.0» остаются, но они принимают субсидиарный и полностью зависимый характер: США могут обойтись без подчиненного звена, заменив его на альтернативное; подчиненное звено без материнского – бесполезно.

Однако любой перезапуск государственного устройства, глобализации или глобального управления потребует решения сложнейшей задачи восстановления мировой экономики.

А Россия?

В этом контексте у России не так много стратегических альтернатив. В обоих из описанных выше вариантов проекта глобализации «версии 2.0» нашей стране предпри-

сано подчиненное положение сырьевой полукolonии или сообщества полукolonий, созданного на ее руинах. Единственный достойный, он же жизненный вариант дальнейшей стратегии развития – радикальный пересмотр базовых посылов концепций последних 35 лет развития в сторону той же концепции самодостаточности, только исключительно в интересах России.

Новая реальность действительно требует поставить во главу угла концепцию самодостаточности, разумное использование которой в прошлом обеспечило превращение нашей страны в одну из мировых держав, гарантировав ее от внешних потрясений. Отход от этой стратегии вкупе с оказавшимся губительным желанием «стать частью мирового рынка» и бездарным руководством страной привело к трагедиям 1990-х годов.

В основе новой стратегии должна лежать простая идея, что то, что может быть произведено в России, должно в ней производиться в объемах, обеспечивающих нужды страны и потребности ее населения. При этом вопросы национальной безопасности и интересов должны иметь приоритет над вопросами экономии и «оптимизации затрат». Международное сотрудничество, выход на внешние рынки, привлечение иностранных инвесторов и специалистов, сохраняя свою важную дополнительную роль, должны перестать быть самоцелью, в которую они превратились в последние три с лишним десятилетия.

Сложности на пути преодоления последствий пандемии и кризис отечественной экономики были обеспечены через разрушительное реформирование систем науки и здравоохранения в прошлые годы.

При этом предлагаемая нами российская стратегия мало чем будет отличаться по набору тактических решений и оперативных шагов от того, что уже начали реализовывать США и Китай, к чему приступила Великобритания и к чему неизбежно придут страны ЕС. Речь идет о реиндустриализации, переносе и восстановлении исчезнувших материальных производств на собственных территориях. В этих условиях вместе с возросшей ролью государства будет возрастать роль государственного регулирования и плановых начал. Планирование, табуированное группой экономических экспертов, приведших страну к экономическому коллапсу 1990-х, должно быть реабилитировано и разумно использовано на пользу России (подобно тому, как это имело место в Японии, Южной Корее, на Тайване, в Сингапуре и Индии, не говоря уже о КНР).

Нынешняя пандемия и кризис уже ввели в большинстве стран элементы мобилизационной экономики. Это словосочетание может нравиться или не нравиться, но это сегодня – мировой тренд. Оперативная деятельность по восстановлению хозяйства невозможна без этого и в нашей стране.

Источники

1. P.-O. Gourinchas. This Is Not the Time to Be Cautious. We Need to Contain the Economic Contagion of the Coronavirus. <https://promarket.org/this-is-not-the-time-to-be-cautious-we-need-to-contain-the-economic-contagion-of-the-coronavirus> (дата обращения 12.04.2020)

2. Морозенская Е.В. *Государственное регулирование экономики в Африке*. М., ИАФР РАН, 2018, 214 с.

3. Fukuyama, Francis. The Pandemic and Political Order: It Takes a State. *Foreign Affairs*. July/August 2020, vol. 99, № 4, с. 26–32.

4. Будущее уже здесь. *Российская газета – Столичный выпуск* № 129(7887). 18 июня 2019, с. 6. <https://rg.ru/2019/06/17/akademik-dynkin-rasskazal-o-silnoj-valiute-i-o-novoj-mirovoj-ekonomike.html> (дата обращения 12.04.2020)

5. Gordon Brown calls for global government to tackle coronavirus. <https://www.theguardian.com/politics/2020/mar/26/gordon-brown-calls-for-global-government-to-tackle-coronavirus> (дата обращения 05.05.2020)

THE CORONAVIRUS AND “THE END OF HISTORY”¹

© 2020 Leonid Fituni

FITUNI Leonid L., Prof., DSc., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, RAS. Russian Federation, 123001, Moscow, Spiridonovka str., 30/1, e-mail: africa.institute@yandex.ru

Abstract. *The author reviews some radical economic, political and philosophical assessments of the impact of the COVID-19 epidemic on world development, which became very widespread in the first half of 2020. He concludes that most of them are basically a repetition of the assumptions and forecasts put forward immediately during and right after many previous economic crises and shocks of the world and public order, starting with the collapse of the USSR and including the 2008–2010 global financial and economic crisis. The real consequences of the cataclysms always depended and often stemmed from the behaviour of the national and global elites during the crisis. At the beginning of 2020, the reaction of the world ruling elites to the COVID-19 pandemic brought closer the onset of the emerging global economic crisis. Currently, a struggle is under way between global players, who anticipate a radical change in the balance of power in the world in their favor and those who, on the whole, would be satisfied with maintaining the “pre-coronavirus” balance of forces and interests. In this context, Russia does not have many strategic alternatives. In both of the options described as Project “globalization 2.0”, the subordinate position and the role of a raw materials supplier are prescribed to the country. The only valid option for a further development strategy is a radical revision of the basic concepts of the last 35 years of development and the adoption of the concept of self-sufficiency, centered exclusively on the interests of Russia.*

Keywords: *world development, elites, developing countries, international economic relations, sanctions, self-sufficiency, self-reliance*

DOI: 10.31132/2412-5717-2020-51-2-5-13

References

Budushcheye uzhe zdes (The future is here). *Rossiyskaya gazeta – Stolichnyy vypusk. (Rossiyskaya Gazeta – Capital issue)*. No. 129 (7887), 18 June 2019, p. 6 (in Russ) <https://rg.ru/2019/06/17/akademik-dynkin-rasskazal-o-silnoj-valiute-i-o-novoj-mirovoj-ekonomike.html> (accessed 12.04.2020)

Gordon Brown calls for global government to tackle coronavirus. <https://www.theguardian.com/politics/2020/mar/26/gordon-brown-calls-for-global-government-to-tackle-coronavirus> (accessed 05.05.2020)

P.-O. Gourinchas. This Is Not the Time to Be Cautious. We Need to Contain the Economic Contagion of the Coronavirus. <https://promarket.org/this-is-not-the-time-to-be-cautious-we-need-to-contain-the-economic-contagion-of-the-coronavirus/> (accessed 12.04.2020)

Fukuyama, Francis. The Pandemic and Political Order: It Takes a State. *Foreign Affairs*. July/August 2020, vol. 99, No. 4, p. 26–32

Morozenskaya E.V. (2018). Gosudarstvennoye regulirovaniye ekonomiki v Afrike. (*State Regulation of Economy in Africa*). Moscow; IAfr RAN (In Russ.).

¹ The article was prepared as part of a scientific project supported by the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 19-014-00019 "Sanction and regulatory targeting of national elites as an instrument of global governance and international competition").